

Д. Е. Прокудин
СПбГУ

От «информатизации» к «цифровизации»

Одним из основных нарративов общественного развития в последнее время становится «цифровизация», которая постепенно красной нитью пронизывает все пространства существования человека, все сферы его деятельности. Но совсем недавно постулировалось развитие общества как информационного, и в общественном и, соответственно, научном дискурсе обсуждались «актуальные проблемы информатизации» (образования, экономики, культуры и т. д.). Что же повлияло на переход от «информатизации» к «цифровизации»? Какие смыслы можно из этого извлечь? Как это связано с процессами глобализации? К какому обществу мы движемся, когда некоторые мыслители констатируют наступление общества постинформационного? В предлагаемой статье производится попытка дать ответ на эти и другие вопросы, проанализировать основные смыслы «цифровизации».

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, общественное развитие, цифровая экономика, цифровая культура, цифровое образование.

Если звезды зажигают — значит —
это кому-нибудь нужно

В. Маяковский

Стремительность изменений в современном обществе зачастую не позволяет осознать их значение в историческом плане, уловить основную канву их направленности, определить истинное их значение и внутреннее содержание. Многие из этих изменений мы принимаем как нечто должное, неумолимое и неотвратимое. Эта непреложность транслируется через средства массовой информации, забывает общественный дискурс, выносятся в научное обсуждение и истолкование. Так, например, в последнее время вдруг непреложным фактом оказалось развитие на глобальном уровне так называемых процессов цифровизации. Эти процессы неумолимо проникают во все сферы деятельности человека и пространства его существования — цифровая экономика, цифровая культура, а недавно — цифровой туризм. На официальном уровне постулируется неотвратимость развития общества по пути цифровизации, построения цифрового общества.

Стремительность, с которой происходит возникновение из небытия очередных «проектов» (а может быть, прожектов?), их смена (или замещение) для подавляющего большинства людей приводит к формированию образа бурного общественного развития, стремления к достижению общественного блага. Но так ли это? Нет ли за этим образом иного смысла, не того, который формируется и транслируется на уровне власти, на уровне управления обществом? Ведь если задуматься, то любое общественное изменение должно быть инициировано как общественная потребность, как совокупная потребность подавляющего большинства членов общества. А есть ли у среднестатистического гражданина нашей страны потребность в развитии цифровых форм различных видов своей деятельности и способов общественного существования? В ситуации, когда и привычная нам экономика находится в плачевном состоянии, есть ли непреложная потребность для общественного блага тратить усилия многих людей, средства (которые можно использовать иначе) и другие ресурсы для развития химеры под условным наименованием «цифровая экономика»? Ведь если есть насущная потребность в чем-то, то это создают и затем дают уже созданному наименование. Так, например, первые автомобили (в нашем понимании) получили название «самодвижущаяся повозка», затем «паровая повозка», что отражало сущность созданного сложного механизма. И потребность в нем действительно была — быстрее и дальше ездить, возить больше людей и грузов (нежели гужевого транспорт). Нам же предлагают развивать некую конструкцию под названием «цифровая экономика», при этом путаясь в трактовках и определениях этого понятия. Сначала появляется название, лишенное всякого содержания, а затем начинаются мучения по придумыванию этой конструкции содержания. Но и сейчас, когда уже несколько лет на официальном уровне мы реализуем национальный проект «цифровой экономики», большинство населения не может понять — а зачем ему это надо? Ему-то что с этого? Какой для него в реализации этого проекта сокровенный смысл? Какие насущные потребности будут удовлетворены с реализацией и превращением в жизнь этого глобального проекта? И вот здесь начинает приходить понимание того, что раз данный проект оформлен и реализуется, то это кому-нибудь нужно. Ищи — кому выгодно. Это непреложная истина.

В обществе, основанном на производстве и присвоении прибыли (прибавочной стоимости) немногочисленной группой людей, на эксплуатации человека человеком, любая деятельность может производиться только тогда, когда она приносит прибыль. И наше общество ничем от этого не отличается — реставрация капитализма превратило более-менее справедливое общество (конечно, и оно не было идеально) в некий проект, корпорацию, имеющую четкую направленность на получение прибыли. И все процессы последних почти трех десятилетий полностью этому способствуют — все сферы общественного производства сделать частными и участными (приватизация, привлечение инвестиций); всех людей сделать собственниками (поэтому постоянно продлевается процесс приватизации жилья), чтобы каждый держался за свою собственность, а это есть один из действенных механизмов по разобщению людей, социальному расслоению; максимально снять с государства социальную нагрузку (повышение пенсионного возраста, сокращение бесплатного медицинского обеспечения, сокращение бюджетных мест в вузах и т. д., и т. п.); развивать частную инициативу, не развивая государственный сектор экономики (пусть производством благ занимаются предприниматели, а если не могут или не хотят — «заграница нам поможет» и завалит своими товарами). И эта направленность в общественном развитии находит отражение в трансформации социально значимых (даже стратегически важных для существования и развития страны) областях — медицине и образовании, которые на определенном уровне официального общественного дискурса превращаются в сферу услуг со всеми вытекающими последствиями (выйти на самоокупаемость, приносить прибыль). В общественный дискурс внедряются чисто экономические понятия, например «тренд», который замещает привычное для всех слово «тенденция», которое, в свою очередь, может быть заменено понятной любому человеку фразой «направление развития». Исходя из этих «направлений развития», современное российское общество постепенно и неотвратимо встраивается в глобальную концепцию всеобщего потребления, формированием коего и занимаются усиленно на всевозможных уровнях — от официальных концепций развития до рекламы и маркетинговых компаний: если нет у человека потребности, то ее необходимо сформировать,

а затем начать удовлетворять, продавая зачастую ненужные ему товары и оказывая бесполезные услуги.

Но, так как индустриальный путь развития себя изжил, наглядным свидетельством чему служит глобальный кризис производства начала прошлого века и две мировые войны, капиталистический истеблишмент породил теорию постиндустриального общества, реализация которой привела к развитию нематериального производства и сферы услуг. Основным достижением развития общества по этому пути можно считать научно-технический прогресс, который в мире капитала имел целью получение прибыли. Это как раз и объясняет двойственность любой технологии, рожденной в ту пору, — военное и гражданское назначение: сначала получаем прибыль от удовлетворения потребностей военных, а затем переключаемся на гражданскую сферу и начинаем формировать потребности населения и тут же их удовлетворять. Поэтому и информационно-коммуникационные технологии со всей неизбежностью по этой логике должны были перейти из области утилитарного использования в область тотального применения как в профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни и досуге. Что, в принципе, и произошло — компьютер вышел за пределы вычислительных центров и стал одним из самых массовых повсеместно используемых устройств (персональный компьютер, ноутбук, планшет, смартфон).

Конечно, нельзя отрицать то положительное, что дают обществу в целом и отдельному человеку в частности информационно-коммуникационные технологии — быстрый доступ к массивам информации (представленной в цифровой форме), неограниченное общение посредством электронной почты, разнообразных систем коммуникации (в цифровой форме). Но при этом за все надо платить — аренда каналов связи, оплата доступа в сеть Интернет, частичная оплата получаемой информации (платный контент, представленный на различных сервисах). Опять же — потребительская модель для получения прибыли, но уже не за продажу необходимых материальных благ (еда, одежда, коммунальные услуги, различные налоги на имущество), а за доступ к информации, представленной в цифровой форме.

В советское время и в нашей стране была эра научно-технической революции, научно-технического прогресса. Только в от-

личие от мира капитала эти процессы имели конечной целью развитие страны, служили достижению общественного блага. А этой концепции, если у человека нет потребности, то нет и потенциальной направленности на ее удовлетворение. Поэтому и развитие информационно-коммуникационных технологий оказывало влияние на развитие различных общественно значимых сфер человеческой деятельности — вычислительные центры в научных центрах и институтах, в военных структурах, в космонавтике (Центр управления полетами, бортовые системы), в статистических управлениях; затем, с появлением персональной электронно-вычислительной машины (ПЭВМ), — в бухгалтериях; конструкторских, архитектурных и проектных бюро.

Персонализация вычислительной техники привела к осознанию перехода общества в своем развитии к информационному, когда обработка информации, ее эффективное использование может быть обеспечено только с применением информационных технологий, ядром которых является ЭВМ и соответствующее программное обеспечение. Возникает понятие «информатизация», которое характеризует процессы внедрения информационных технологий в различные сферы деятельности человека [Фридланд, 2001; Шамин и др., 2015]. При этом в нашем обществе основной целью этих процессов выступает повышение эффективности соответствующих видов деятельности. Об этом же говорят и различные определения информатизации, которые рождаются в научной сфере, а сами процессы информатизации имеют научно обоснованный характер и реализуются как удовлетворение общественного заказа. Само понятие «информатизация» исходит из осознания информации как одной из ценностей в обществе, основанном на знаниях. Поэтому и процессы информатизации различных видов деятельности человека, прежде всего, исходят как ответ на запросы снизу на повышение эффективности деятельности, основанной на использовании информации. При этом учитываются основополагающие свойства информации — достоверность, актуальность, полнота, соответствие которым ложится в основу рационального использования информации на основе применения информационно-коммуникационных технологий. И ведь в базисе такого подхода находится как раз цифра как способ представления и обработки информации — при помощи цифры

человек придумал кодировать информацию и, соответственно, хранить, передавать и обрабатывать. По своей сути цифровое представление информации — это модель, под которую разрабатываются методы и соответствующие им технологии. Могли бы и при Чарльзе Бэббидже реализовать счетную машину, но технологическая база того времени не позволила...

В понятии «информатизация» есть смысл, так как информация несет в себе содержание — отражение в человеческом мозге окружающего бытия, всего сущего, как материального, так и идеального. Какой же смысл в понятии «цифровизация», которое с некоторых пор начинает вытеснять «информатизацию»? Какое содержание в цифре? Цифра отражает количественные, но не качественные представления; цифра — это способ представления информации, а не сама информация; цифра — это код. Поэтому можно сказать и по-другому — кодификация, а не цифровизация. Так почему и зачем в общественный дискурс настойчиво вводится понятие «цифровизация»? Ведь оно начинает пропитывать все и вся — цифровая экономика, цифровая культура, цифровой туризм, цифровое обучение и т. п. Как представляется, тому может быть объяснение в двух смысловых плоскостях.

Во-первых, мир капитала должен постоянно производить прибыль, но в сфере материального потребления прибыль бесконечно долго получать нельзя — рано или поздно произойдет насыщение рынков, и мир войдет в очередной кризис перепроизводства. Поэтому выход в цифровую сферу создает новый мощный рынок производства как услуг, так и товаров — только товаров не материальных, а виртуальных — цифровых. Информация в цифровой форме становится не просто товаром, а глобально доступным товаром, который проще производить, но еще проще потреблять. А это достигается только в обществе развитого Интернета, когда информационно-коммуникационные технологии становятся доступными на глобальном уровне, когда решена задача всеобщего погружения человечества в «виртуальный астрал», который становится и прибежищем от зачастую неуютного осязаемого реального мира, и истиной в последней инстанции («скажи-ка, Гугл...», «так говорит Википедия...»), и основным пространством общения, и самым простым каналом потребления (различные интернет-порталы по продаже «всего-что-угодно»,

заказ такси, заказ и доставка еды, образовательные ресурсы, виртуальные кинотеатры, электронные сетевые библиотеки, порталы по бронированию билетов и отелей и т. д., и т. п.). Зачем тратиться на печать и распространение газеты Times, если можно сверстать ее в цифровой форме и в единственном экземпляре разместить на сайте, доступном неограниченному числу читателей, которые имеют доступ в Сеть на своих персональных компьютерах, ноутбуках, планшетах, смартфонах, подключенных по дешевым технологиям как стационарной, так и мобильной связи. И тогда потребление становится не просто массовым — оно становится глобальным. Попутно решается и проблема занятости. Куда деть лишние рабочие руки в эпоху автоматизации производства? Так появляются многочисленные самозанятые фрилансеры, блогеры, лайкеры, инстаграмеры, ютуберы и прочая и прочая... Массово людей (и прежде всего молодежь) вовлекают в эту безудержную цифровую индустрию — виртуальный карнавал и ярмарку тщеславия. И на этом на всем попутно (или изначально?) паразитирует реклама, ставшая поистине глобальной и при этом индивидуальной (технологии таргетингового маркетинга отслеживают все ваши действия в Сети и выдают на экран соответствующую контекстную рекламу). Попытки изоляции от «тлетворного влияния Запада» (например, суверенный Интернет в Китае), ограничение доступа к «вредному» или запрещенному контенту (например, блокировка интернет-ресурсов в России по решению Роскомнадзора) особо ни к чему не приводят — существует множество технологических решений для преодоления таких барьеров (смена доменного имени ресурса; использование прокси-серверов, VPN-соединений, браузера Tor для доступа к заблокированному контенту и пр.). Виртуальный цифровой мир изменчив и подвижен, поэтому не зря Сеть изображают в виде аморфного облака, которое может легко изменить свои очертания от любого дуновения ветра.

Но более тонкой и не всегда явной плоскостью осуществления цифровизации является попытка тотального глобального контроля — контроля над обществом. Тотальное внедрение и использование информационно-коммуникационных технологий позволяет оцифровать всю существующую информацию, разместить ее на различных ресурсах (контролируемых соответствующими структурами) и, соответственно, получить к ней неограниченный

доступ — кто владеет информацией, тот управляет миром. К тому же создаются условия, когда сам человек размещает цифровую информацию о себе (заполнение анкет в вождении обладать скидочной картой торговой сети, создание профиля на сайтах электронных магазинов или сайтах бронирования билетов и гостиниц), или создаются регламенты, когда ему приходится предоставлять информацию о себе для размещения в базах данных различных информационных систем (медицинские учреждения, страховые компании, финансовые организации, агентства недвижимости и пр.). Поэтому небеспочвенны суждения о том, что власть имущие всегда могут получить информацию о любом человеке, хранящуюся в базах данных социальных сетей, банков и других информационных систем. И здесь мы приходим к мысли о том, что идеи о цифровизации выносятся в качестве лозунга трансформации общества на таком этапе его развития, когда подавляющее большинство населения «погрязло» в Сети и оставило свой неизгладимый «цифровой след». А начало этого этапа можно охарактеризовать следующими основными понятиями: большие данные (Big Data), нейронные сети, искусственный интеллект (не как противовес человеческому интеллекту, а как технология обработки и анализа больших данных), цифровой портрет. То есть в обществе помимо накопления больших объемов информации в цифровой форме разработаны и начинают эффективно применяться технологии обработки и анализа этих данных. И тогда начинается время «учетчиков» и «счетоводов»...

Как, например, это было в образовании. Ведь когда в середине 80-х в сферу отечественного образования пришел Компьютер (это была эпоха компьютеризации: дадим людям, а они пусть сами разбираются — зачем это надо), никто толком не знал, для чего он (кроме того, чтобы учить программированию да тексты набирать). Но затем появился интерес со стороны педагогов, и тогда началась информатизация — постепенно осваивая Компьютер и открывая для себя его возможности, педагоги-предметники в тесном сотрудничестве с учителями информатики и программистами стали создавать различные программы для использования в учебном процессе. При этом учитывались основные дидактические принципы, разрабатывались новые методики, которые не убирали из учебного процесса педагога, а позволяли умело сочетать тради-

ционные средства обучения и информационные технологии. В то золотое время информатизация возникла как процесс, инициированный снизу, направленный на повышение эффективности учебного процесса — процесса усвоения знаний и формирования умений. В связи с чем при внедрении информационных технологий прежде всего учитывались основные цели обучения. Но система образования — это не только учебный и воспитательный процессы (педагоги и ученики), это еще и процесс управления (чиновники и управленцы). И вот управленцы узрели и осознали всю силу Цифры (не информации) — если все перевести в цифру, то можно все посчитать, учесть, стандартизировать, ошаблонить. А еще можно оптимизировать — зачем нам много учителей/преподавателей, если учебный контент можно оцифровать и дать к нему доступ через Сеть. Вот тогда и начинается цифровизация — резко сворачиваются инициативы снизу и как генеральная линия провозглашается примат дистанционного обучения и цифрового учебного контента. Но чиновник/управленец не может почитать на лаврах — он должен постоянно оправдывать свое существование (а иначе может перестать быть нужным в отличие от тех, кто непосредственно занят в учебном процессе). Поэтому начинаются бесконечные и по большому счету бесполезные и бессмысленные реформы — появляются компетенции, фгосы (которые меняются с быстротой картинок в калейдоскопе) и прочие атрибуты напряженной реформаторской мысли. Разрабатываются все новые электронные информационные системы, в которые постоянно надо заносить различные данные (от публикаций до содержания учебных курсов). А на это надо тратить время и свои умственные способности. Что с успехом и осуществляется, не оставляя времени и сил для развития содержания обучения и методик его организации. Так и живем, а вернее — выживаем.

Но другой, более интересной, стороной цифровизации системы образования является возможность осуществления передачи учебной информации и контроля усвоения знаний с использованием технологий массовых открытых онлайн-курсов (МООК). А это уже массовый (тотальный) шаблонизированный процесс формирования стандартизированного «квалифицированного потребителя» (по Фурсенко). Это самый простой, но вместе с тем самый эффективный способ формирования одинаково мыслящей

человеческой массы, являющейся источником прибыли — «человеческого капитала» в современной терминологии (ну а как известно, капитал должен приносить прибыль).

В онлайн-курсы выносятся история и философия, появляются новые курсы по тематике «цифровой культуры». Не человек передает подрастающему поколению ментальность, мировосприятие и миропонимание, а бездушная система предоставляет оцифрованный учебный контент, который разбит на небольшие порции — так удобнее его освоить представителям поколений, взращенным в условиях клип-культуры. Да и сама культура массово переходит в виртуальный мир — массово оцифровывается. В такой цифровой форме она представляет собой товар массового потребления — нет необходимости прилагать усилия, тратить время на подготовку и поход в музей, поездку в загородный парк с дворцами и фонтанами. Достаточно включить компьютер и, удобно развалившись на диване / в кресле, попивать кофе/чай и между прочим потреблять виртуальный тур/экскурсию. Вырванные из пространства музея виртуальные цифровые образы не вызывают уже того пиетета, с которым человек упоенно блуждает по залам и погружается в атмосферу той или иной эпохи, пропускает через свою суть знаки культуры, запечатленные в экспонатах. Вместо передачи культурного кода через «оцифрованную культуру» происходит процесс потребления. Общественные институты культуры замещаются шоу и перформансами — трехмерные цифровые инсталляции, виртуальные туры с дополненной реальностью, светомузыкальные лазерные шоу. Эти «культурные поля», не став частью «культурного ядра», претендуют на его замещение, приучая человека потреблять всю эту бесконечно механически генерируемую (фразу «творчески создаваемую» применять здесь скорее всего неуместно) цифровую виртуальность. Которая, к тому же, отнюдь не вечна в отличие от предметов и объектов из бумаги, камня, холста, глины, металла и пр. Эту виртуальную культуру достаточно легко «выключить», нажав на рубильник на электрическом проводе. Она уязвима, так как зависит от «версии прошивки» операционной системы и программного обеспечения (того же браузера), состава оборудования, типа процессора и много от чего еще. А технологии стремительно развиваются в мире, ориентированном на постоянное потребление. Поэтому

образы «цифровой культуры» имеют свойство технологически устаревать и, соответственно, уходят в небытие. Но на их место приходят все новые, не позволяя человеку вырваться из водоворота постоянного культурного потребления.

Само пространство культуры, оцифрованное и помещенное в глобальное сетевое пространство, подвергается расчленению и дроблению — кажущееся разнообразие культурных полей, представленных цифровыми ресурсами и платформами, направленными на социальное взаимодействие, представляет собой тождественные и однообразные по своей сущности субстанции. Эти пространства сжимаются, замыкая на себя своих апологетов (пользователи разнообразных социальных сетей, твиттеров, инстаграмов, ютубов и прочая, и прочая). Даже детей завлекают в эти сети, в которых они бездумно лайкают и выставляют напоказ свое еще не сформировавшееся естество. Незаметно меняются смыслы — на смену сетевой коммуникации приходит жажда показать себя, прославиться, получить как можно больше лайков. А что это как не одно из проявлений комплекса Герострата, потакание страсти к тщеславию?

Постепенная тотальная цифровизация создает условия для возможности тотальных подлогов и подделок. «Аналоговую» информацию подделать или исказить не так легко. Особенно, если она растиражирована (тираж книги, газеты или журнала; копии звукозаписей на виниловых пластинках / магнитных лентах; видео на кассетах и т. д.), — необходимо изъять все экземпляры и внести в них изменения. Цифра же дискретна, что делает ее уязвимой. Можно легко заменить один байт (или группу байтов) на другой — и уже это не те текст/фотография/видео. А если еще этот файл существует в единственном экземпляре и выставлен для всеобщего обозрения на сайте (например, номер газеты Times), то достаточно подделать его, и для всех это будет уже другая информация. Какое раздолье для фейков, подтасовок и подделок! Если бы Оруэлл знал эти технологии, то каким бы поистине простым был бы процесс переписывания (пересмотра) истории в министерстве правды...

Но сегодня не только пространства существования человека в обществе подвергаются цифровизации, но и сам человек. Целенаправленно в массовое сознание внедряются идеи чипизации человека. И это преподносится как великое благо и достижение

современной цивилизации — ведь можно контролировать здоровье и оперативно принимать решение о лечении, а по местонахождению чипированного человека быстро направить к нему скорую помощь; встроенный в человеческий организм чип не потеряется — он может заменить все пластиковые карты, электронный ключ к дверям, проездной документ, да даже удостоверение личности. Не поспоришь — все для удобства и комфорта. Однако этот же чип позволит отслеживать перемещение человека, контролировать его деятельность (Большой Брат следит за тобой) и отключать при необходимости те или иные цифровые сервисы. Конец приватности, конец свободе выбора — тотальный контроль и зависимость, а следовательно, абсолютная власть над себе подобными. Сбывается мечта «учетчиков» и «счетоводов» — нейронные сети смогут быстро отследить цифровой след объекта в массивах больших данных, а простое нажатие на кнопку позволить «отключить» человека от общества, сделать его изгоем или просто никем. Ведь его цифровые данные, связанные с чипом, можно исказить, а можно и удалить (а был ли мальчик?..). А можно запрограммировать массовые операции с цифровыми данными и вершить судьбы человеческие в масштабах города/страны/планеты. А люди сами идут в этот цифровой концлагерь — технологии массового воздействия и внушения хорошо известны и отточены, например, окно Овертона: то, что считалось немислимым и было достоянием антиутопий, теперь воспринимается как одна из возможностей. И вот уже в качестве эксперимента сотрудники частной коммерческой организации позволяют внедрить себе чипы [Ермолаева, 2017]. За ними последуют другие [Грей, 2017; Хабибрахимов, 2017]. А там глядишь — и все под колпаком. И в один прекрасный день кто-нибудь из нас при авторизации в одной из бесчисленных «умных» цифровых систем перед глазами получит на экране, в лучшем случае, надпись «Ошибка 403 — доступ запрещен», а то и — «Ошибка 404 — такого человека нет»...

Квинтэссенцией цифровизации на сегодня служит китайский проект внедрения системы социального рейтинга (социального кредита), который начал реализовываться с 2014 г. в качестве пилотных проектов и должен быть внедрен по всему Китаю к 2020 г. [Гордеев, 2016; Кириллов, 2018; Рубченко, 2019]. Основано функционирование системы на тотальной слежке за гражданами в об-

щественном пространстве — производится постоянная запись с многочисленных камер наблюдения, а нейросетевые алгоритмы распознают и идентифицируют личность каждого запечатленного человека и оценивают его поведение в обществе (бросил мусор мимо урны — получи минус сто баллов, перевел старушку через дорогу — плюс двести баллов и т. п.), а данные заносят в его цифровое досье (те самые большие данные). Затем по этим данным создается социальный портрет гражданина — «плохиши» с низким или отрицательным балансом поражаются в правах (не принимают на определенные должности, не продают билеты на самолет), а «передовики социалистического соревнования» получают все самое лучшее (места для своих детей в лучших детских садах и школах, преференции при приеме на работу и т. п.). И ведь все подается как забота об обществе — как отмечается в постановлении Госсовета КНР «О планировании строительства системы социального кредита», «социальное кредитование... продвигает культуру искренности и традиционные добродетели, использует поощрение, чтобы сохранить доверие, и препятствует разрушению доверия в обществе» [Рубченко, 2019]. А по факту — тотальный контроль и управление человеком на основе обработки цифровых данных о нем. Но помимо того, что происходит «цифровое» расслоение общества, все эти цифровые данные можно взломать, подделать, а от этого могут пострадать реальные люди. А, может быть, все так и задумано? Обкатывают «социальную цифровизацию» на Китае, а потом распространяют «передовой опыт» по всему миру — по всему «свободному демократическому миру». Чем не претворение в жизнь антиутопий типа «1984»?

Нарративы цифровизации звучат в общественном дискурсе все чаще, охватывая все новые и новые пространства существования человека. Вслед за трансляцией этих идей в общество они начинают обсуждаться научным сообществом. И, что интересно, в подавляющем большинстве ни тени сомнения не возникает в необходимости цифровизации — в научном дискурсе идеи цифровизации находят свое обоснование и поддержку. А иначе и быть не может — научная деятельность полностью зависит от власти имущих, находясь на их полном содержании. Даже гранты на инициативные исследования выделяются только в том случае, когда они находятся в тренде, русле модных тенденций. Иное мнение,

критический взгляд на цифровизацию либо не будет поддержан (и, соответственно, допущен к обнародованию), либо не будет услышан, потонув в море голосов за (конъюнктура, однако).

Но, если задуматься, может быть, цифровизация есть процесс естественный, обусловленный генезисом всей человеческой цивилизации на планете Земля? Ведь даже в человеке — этом полностью аналоговом существе — можно обнаружить «цифровую» составляющую. Притом эта составляющая является антропологическим началом человека, определяющим самую его сущность — как физиологическую, так и ментальную. И этот базис формирования человека — его генотип, то есть гены, которые как раз и являются теми изначальными «байтами», из которых складываются «файлы-люди», а также «файлы-растения» и «файлы-животные». И эти «файлы» хранятся в «каталогах-селах», «каталогах-городах», «каталогах-домах», «каталогах-квартирах», которые, в свою очередь, размещены на «дисках-областях», «дисках-краях», «дисках-странах», а те — в «компьютерах-континентах», составляющих единую цифровую систему «Земля». И сам же человек в последнее время все настойчивее и настырнее пытается вмешаться в эти цифровые коды всего живого, изменить генотип, создавая генетически модифицированные организмы. Но пока есть еще общественные механизмы, моральные принципы, которые сдерживают вмешательство в человеческие гены (хотя это происходит косвенно через потребление ГМО-продуктов питания). Однако с такими темпами цифровизации не за горами то время, когда генные «программисты» приступят к программированию человека, модифицируя нас с вами в соответствии со своими представлениями и желаниями...

Литература

Гордеев А. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга // РБК. 2016. 11 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a77c08a7> (дата обращения: 19.10.2019).

Грей Р. Мнимые риски и реальные опасности вживленных под кожу микрочипов // BBC News. Русская служба. 2017. 8 августа. URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-cap-40865221> (дата обращения: 19.10.2019).

Ермолаева Н. Палец заменит смартфон. Шведская фирма чипировала раб-ботников // Российская газета. Федеральный выпуск № 72 (7238). 2017.

- 6 апреля. URL: <https://rg.ru/2017/04/05/shvedskaia-firma-vnedrila-v-ruki-rabotnikov-chipy.html> (дата обращения: 19.10.2019).
- Кириллов А., Русинова З.* Как работает система социального доверия в Китае [Электронный текст] // ТАСС. 2018. 29 мая. URL: <https://tass.ru/opinions/5225841> (дата обращения: 19.10.2019).
- Рубченко М.* «Научим Родину любить»: как работает китайская система социального рейтинга // РИА Новости. 2019. 19 мая. URL: <https://ria.ru/20190519/1553583356.html> (дата обращения: 19.10.2019).
- Фридланд А. Я.* Об уточнении понятия «информация» // Педагогическая информатика. 2001. № 4. С. 28–36.
- Хабибрахимов А.* Американская компания вживит сотрудникам микрочипы для открытия дверей и покупки еды в автоматах // vc.ru. 2017. 25 июля. URL: <https://vc.ru/future/25396-tsm-microchips> (дата обращения: 19.10.2019).
- Шамин Е. А., Генералов И. Г., Завиваев Н. С., Черемухин А. Д.* Сущность информатизации, ее цели, субъекты и объекты // Вестник НГИЭИ. 2015. №11 (54). С. 99–107